

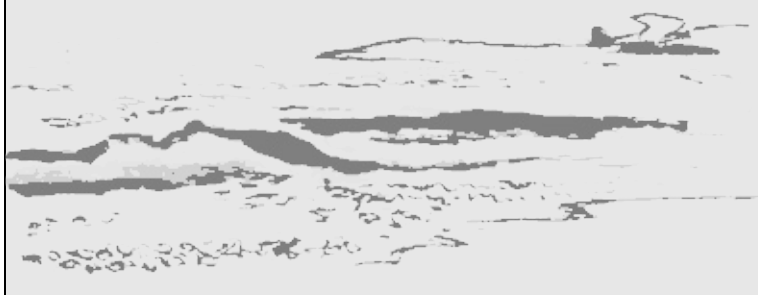
ОГОНЕК
№ 37 СЕНТЯБРЬ 1957
ИЗДАТЕЛЬСТВО «СП» и «БЭ»

Annotation

Опубликовано в журнале «Огонёк» 37 (1578), 1957
Рисунки Г. Филипповского

- [Джеймс Олдридж](#)
 -
 - [Большая глубина](#)
 -
-
-

Джеймс Олдридж Последний дюйм

Хорошо, если после двадцати лет работы летчиком ты и к сорока годам все еще испытываешь удовольствие от полета; хорошо, если ты еще

можешь радоваться тому, как артистически точно посадил машину: чуть-чуть отожмешь ручку, поднимешь легкое облачко пыли и плавно отвоюешь последний дюйм над землей. Особенно когда приземляешься на снег: снег — отличная подстилка под колеса, и хорошая посадка на снег — это так же приятно, как прогуляться босиком по пушистому ковру в гостинице.

Но с полетами на «ДС-3», когда старенькую машину поднимешь, бывало, в воздух в любую погоду и летишь над лесами где попало, было покончено. Работа в Канаде дала ему хорошую закалку, и не удивительно, что он окончил свою летную жизнь над пустыней Красного моря, летая на «Фейрчайльде» для нефтеэкспортной компании Тексегипто, у которой были права на разведку нефти по всему египетскому побережью. Он водил «Фейрчайльд» над пустыней до тех пор, пока самолет совсем не износился. Посадочных площадок не было. Он сажал свою машину везде, где хотелось сойти геологам и гидрологам, то есть и на песок, и на кустарник, и на каменистое дно пересохших ручьев, и на длинные белые отмели Красного моря. Отмели были хуже всего: гладкая с виду поверхность песков всегда бывала усеяна крупными кусками белого коралла, острыми по краям, как бритва, и если бы не низкий центр тяжести «Фейрчайльда», он бы не раз перевернулся из-за прокола камеры.

Но и это все было уже в прошлом. Компания Тексегипто отказалась от дорогостоящих попыток найти большое нефтяное месторождение, которое давало бы такие же прибыли, какие получала Арамко в Саудовской Аравии, а «Фейрчайльд» превратился в жалкую развалину и стоял в одном из египетских ангаров, покрытый толстым слоем разноцветной пыли, весь иссеченный понизу узкими, длинными надрезами, с растрепанными тросами, уже только подобием мотора и приборами, годными разве что в утиль.

Все было кончено: ему стукнуло сорок три, жена уехала от него домой, на Линнен-стрит в город Кембридж, Массачусетс, и зажила, как ей нравилось: ездила на трамвае до Гарвард-сквер, покупала продукты в магазине без продавцов, гостила у своего старика в приличном деревянном доме — одним словом, вела приличную жизнь, достойную приличной женщины. Он пообещал приехать к ней еще весной, но знал, что не сделает этого, так же как знал и то, что не получит в свои годы летной работы, особенно такой, к какой он привык, не получит ее даже в Канаде. В тех краях предложение превышало спрос и тогда, когда дело касалось людей опытных; фермеры Саскачевана сами учились летать на своих «Пайперкэбах» и «Остерах». Любительская авиация лишала куска хлеба множество старых летчиков. Они кончали тем, что нанимались обслуживать

рудоуправления или правительство, но и та и другая работа была слишком благопристойной и добропорядочной, чтобы подойти ему на старости лет.

Так он и остался с пустыми руками, если не считать равнодушной жены, которой он не был нужен, да десятилетнего сына, родившегося слишком поздно и, как понимал Бен где-то в глубине души, чужого им обоим — одинокого, неприкаянного ребенка, который в десять лет понимал, что мать им не интересуется, а отец — посторонний человек, не знающий, о чем с ним говорить, резкий и немногословный в те редкие минуты, когда они бывали вместе.

Вот и эта минута была ничем не лучше других. Бен взял с собой мальчика на «Остер», который бешено мотало на высоте в 2 тысячи футов над побережьем Красного моря, и ждал, что мальчишку вот-вот укачает.

— Если тебя стошнит, — сказал Бен, — пригни голову пониже к полу, чтобы не запачкать всю машину.

— Хорошо. — У мальчика был очень несчастный вид.

— Боишься?

Маленький «Остер» безжалостно кидало в накаленном воздухе из стороны в сторону, но перепуганный мальчишка все же не терялся и, отчаянно посасывая леденец, разглядывал приборы, компас, прыгающий авиагоризонт.

— Немножко, — ответил мальчик тихим и застенчивым голосом, непохожим на грубоватые голоса американских ребят. — А от этих толчков самолет не сломается?

Бен не умел успокаивать сына, он сказал правду:

— Если за машиной не следить, она непременно сломается.

— А эта... — начал было мальчик, но его здорово тошнило, и он не мог продолжать.

— Эта в порядке, — с раздражением сказал отец. — Вполне годный самолет.

Мальчик опустил голову и тихонько заплакал.

Бен пожалел, что взял с собой сына. Все великодушные порывы всегда у них в семье кончались неудачей: им обоим давно не хватало этого чувства — сухой, плаксивой, провинциальной матери и резкому, вспыльчивому отцу. Бен как-то попробовал во время одного из редких приступов великодушия поучить мальчика править самолетом, и хотя сын оказался очень понятливым и довольно быстро усвоил основные правила, каждый крик доводил его до слез...

— Не плачь! — приказал ему теперь Бен. — Нечего тебе плакать! Подыми голову, слышишь, Дэви! Подыми сейчас же!

Но Дэви сидел, опустив голову, а Бен все больше и больше жалел, что взял его, и уныло поглядывал на расстилающуюся под крылом самолета огромную бесплодную пустыню побережья Красного моря — непрерывную полосу в тысячу миль, отделяющую нежно размытые акварельные краски суши от блеклой зелени воды. Все было недвижимо и мертво. Солнце выжигало здесь всякую жизнь, а весною на тысячах квадратных миль ветры вздымали на воздух массы песка и относили песок на ту сторону Индийского океана, где он и оставался навеки: пустыня сливалась с дном морским.

— Сядь прямо, — сказал он Дэви, — если хочешь научиться, как идти на посадку.

Он знал, что тон у него резкий, и всегда удивлялся сам, почему не умеет разговаривать с мальчиком. Дэви поднял голову. Он ухватился за доску управления и нагнулся вперед. Бен двинул рычаг газа, подождал, пока не сбавится скорость, а потом с силой потянул рукоятку триммера, которая была очень неудобно устроена на этих маленьких английских самолетах — наверху слева, чуть не над головой. Внезапный толчок мотнул голову мальчика вниз, но он ее сразу же поднял и стал глядеть поверх опустившегося носа машины на узкую полосу белого песка у залива, похожего на лепешку, кинутую в эту прибрежную пустошь. Отец вел самолет прямо туда.

— А почему ты знаешь, откуда дует ветер? — спросил мальчик.

— По волнам, по облачку, чутьем! — крикнул ему Бен.

Но он уже и сам не знал, чем руководствуется, когда правит самолетом. Не думая, он знал с точностью до одного фута, где посадит машину. Ему приходилось быть точным: голая полоска песка не давала ни одной лишней пяди, и опуститься на нее мог только очень маленький самолет. Отсюда до ближайшей туземной деревни было сто миль, а вокруг — мертвая пустыня.

— Все дело в том, чтобы правильно рассчитать, — сказал Бен. — Когда выравниваешь самолет, надо, чтобы расстояние до земли было шесть дюймов. Не фут и не три, а ровно шесть дюймов! Если выше, ты стукнешься при посадке и самолет будет поврежден. Слишком низко — попадешь на кочку и перевернешься. Все дело в последнем дюйме.

Дэви кивнул. Он уже это знал. Он видел, как в Эль-Бабе, где они брали напрокат машину, однажды перевернулся такой «Остер». Ученик, который на нем летал, был убит.

— Видишь! — закричал отец. — Шесть дюймов. Когда он начнет садиться, я беру назад ручку. Я тяну ее на себя. Вот! — сказал он, и самолет

коснулся земли мягко, как снежинка.

Последний дюйм! Бен сразу же выключил мотор и нажал на ножные тормоза — нос самолета задрался кверху, и тормоза не дали ему окунуться в воду — до нее оставалось шесть или семь футов.

* * *

Два летчика воздушной линии, которые открыли эту бухту, назвали ее Акульей — не из-за ее формы, а из-за ее населения. В ней постоянно водилось множество крупных акул, которые заплывали сюда из Красного моря, гоняясь за косяками сельди и кефали, искавшими здесь убежища. Бен и прилетел-то сюда из-за акул, а теперь, когда попал в бухту, совсем забыл о мальчике и время от времени только давал ему распоряжения: помочь при разгрузке, закопать мешок с продуктами в мокрый песок, смачивать песок, поливая его морской водой, подавать инструменты и всякие мелочи, необходимые для акваланга и камер.

— А сюда кто-нибудь когда-нибудь заходит? — спросил его Дэви.

Бен был слишком занят, чтобы обращать внимание на то, что говорит мальчик, но все же, услышав вопрос, покачал головой:

— Никто! Никто не может сюда попасть иначе, как на легком самолете. Принеси мне два зеленых мешка, которые стоят в машине, и прикрывай голову от солнца. Не хватало еще, чтобы ты получил солнечный удар!

Больше вопросов Дэви не задавал. Когда он о чем-нибудь спрашивал отца, голос у него сразу становился угрюмым: он заранее ожидал резкого ответа. Теперь мальчик и не пытался продолжать разговор и молча выполнял, что ему приказывали. Он внимательно наблюдал за тем, как отец готовит свой акваланг и киноаппарат для подводных съемок, собираясь опуститься в прозрачную воду снимать акул.

— Смотри, не подходи к воде! — приказал отец.

Дэви ничего не ответил.

— Акулы непременно постараются откусить от тебя кусок, особенно если подымутся на поверхность, — не смей даже ступить в воду!

Дэви кивнул головой.

Бену хотелось чем-нибудь порадовать мальчика, но за много лет ему это ни разу не удавалось, а теперь, видно, было поздно. Когда Бен уходил в полет, а это бывало почти постоянно, с тех пор, как ребенок родился, начал ходить, а потом становился подростком, он подолгу не видел сына. Так

было в Колорадо, во Флориде, в Канаде, в Иране, в Бахрейне и здесь, в Египте. Это его жене, Джоанне, следовало постараться, чтобы мальчик рос живым и веселым.

Вначале он пытался привязать к себе мальчика. Но разве чего-нибудь добьешься за короткую неделю, проведенную дома, и разве можно назвать домом чужеземный поселок в Аравии, который Джоанна ненавидела и всякий раз поминала только для того, чтобы потосковать о росистых тихих вечерах, ясных морозных зимах и тихих университетских улочках родной Новой Англии? Ее ничто не привлекало ни в глинобитных домишках Бахрейна, при 110 градусах по Фаренгейту и 100 процентах влажности воздуха, ни в оцинкованных поселках нефтепромыслов, ни даже в пыльных, беспардонных улицах Каира. Но апатия (которая все росла и наконец совсем ее искалечила) должна теперь пройти, раз она вернулась домой. Он отвезет к ней мальчонку, и теперь, когда она живет там, где ей хочется, Джоанна, может быть, сумеет пробудить в себе хоть какой-то интерес к ребенку. Пока что она не проявляла этого интереса, а прошло уже три месяца с тех пор, как она уехала домой.

— Затяни этот ремень у меня между ногами, — сказал он Дэви.

На спине у него был тяжелый акваланг. Два его цилиндра со сжатым воздухом весом в 20 килограммов позволят ему пробыть больше часа на глубине в 30 футов. Глубже опускаться и не надо. Акулы этого не делают.

— И не кидай в воду камней, — сказал отец, поднимая цилиндрический, водонепроницаемый киноаппарат и стирая песок с его рукоятки. — Не то всех рыб поблизости перепугаешь. Даже акул. Дай мне маску.

Дэви передал ему маску со стеклянным забралом.

— Меня не будет минут двадцать. Потом я поднимусь, и мы позавтракаем, потому что солнце стоит уже высоко. Ты пока что обложи камнями оба колеса самолета и посиди под одним из крыльев, в тени. Понял?

— Да, — сказал Дэви.

Бен вдруг почувствовал, что разговаривает с мальчиком так, как разговаривал с женой, чье равнодушие всегда вызывало его на резкий и повелительный тон. Ничего удивительного, что бедный парнишка сторонится их обоих.

— И обо мне не беспокойся! — приказал он мальчику, входя в воду. Взяв в рот трубку, он скрылся под водой, опустив книзу киноаппарат, чтобы груз тянул его на дно.

* * *

Дэви смотрел на море, которое поглотило его отца, словно мог в нем что-нибудь увидеть. Но видеть было нечего, за исключением изредка появлявшихся на поверхности пузырьков воздуха.

Ничего не было видно ни на море, которое далеко вдаль сливалось с горизонтом, ни на бескрайних просторах выгоревшего на солнце побережья. А когда он вскарабкался на раскаленный песчаный холм у самого высокого края бухты, он не увидел позади себя ничего, кроме пустыни, то ровной, то слегка волнистой. Сверкая, она уходила вдаль к таявшим в знойном мареве красноватым холмам, таким же голым, как и все вокруг.

Под ним был только самолет, маленький серебряный «Остер», — он все еще потрескивал, потому что мотор никак не остывал. Дэви почувствовал свободу. Кругом на целых сто миль не было никого, и он мог посидеть в самолете и как следует его разглядеть. Но запах, который шел от самолета, снова вызвал у него дурноту, он вылез и облил водой песок, где лежала еда, а потом уселся и стал глядеть, не покажутся ли акулы, которых снимал отец. Под водой ничего не было видно, и в раскаленной тишине, в одиночестве, о котором он не жалел, хотя вдруг его остро почувствовал, мальчик раздумывал, что же с ним будет, если отец так никогда и не выплывет из морской глубины.

* * *

Бен, прижавшись спиной к кораллу, мучился с клапаном, регулирующим подачу воздуха. Он опустил неглубоко, не больше чем на двадцать футов, но клапан работал неравномерно, и ему приходилось с усилием втягивать воздух. А это было изнурительно и небезопасно.

Акул было много, но они держались на расстоянии. Они никогда не приближались так близко, чтобы на них можно было как следует установить объектив. Придется приманить их к себе поближе после обеда. Для этого он взял в самолет половину лошадиной ноги; обернутая в целлофан, она была закопана в песок.

— На этот раз, — сказал он себе, шумно выпуская пузырьки воздуха, — я уж снимаю их не меньше чем на три тысячи долларов.

Телевизионная компания платила ему по тысяче долларов за каждые

пятьсот метров фильма об акулах и тысячу долларов отдельно за съемку молота-рыбы. Но в этих водах молот-рыба не водится. Были тут две или три безвредных акулы-великана и довольно крупная пятнистая акула-кошка, бродившая у самого серебристого дна, подалее от кораллового берега. Бен знал, что сейчас он слишком деятелен, чтобы привлечь к себе акул, но его интересовал большой орляк, который жил под навесом кораллового рифа: за него тоже платили пятьсот долларов. Им нужен был кадр с орляком на подходящем фоне. Кишащий тысячами рыб подводный коралловый мир был хорошим фоном, а сам орляк лежал в своей коралловой пещере.

— Ага, ты еще здесь! — сказал Бен тихонько.

Длиною рыба была в четыре фута, а весила один бог знает сколько; она поглядывала на него из своего убежища, как и в прошлый раз — неделю назад. Жила она тут, наверно, не меньше ста лет. Шлепнув у нее перед мордой ластами. Бен заставил ее попятиться и сделал хороший кадр с панорамы, когда рыба неторопливо, но сердито пошла головой вниз на дно.

Пока что это было все, чего он добивался. Акулы никуда не денутся и после обеда. Ему надо беречь воздух, потому что баллоны никак не перезарядишь здесь, на берегу. Повернувшись, Бен почувствовал, как мимо его ног прошелестела плавниками акула. Пока он снимал орляка, акулы зашли к нему в тыл.

— Убирайтесь отсюда к чертям! — заорал он, выпуская огромные пузыри воздуха.

Они уплыли: громкое бульканье спугнуло их. Песчаные акулы пошли на дно, а «кошка» поплыла на уровне его глаз, внимательно наблюдая за человеком. Такую криком не запугаешь. Бен прижался спиной к рифу и вдруг почувствовал, как его руку обожгло острым выступом коралла. Но он не спускал глаз с «кошки», пока не поднялся на поверхность. Даже теперь он держал голову под водой, чтобы следить за «кошкой», которая понемножку к нему приближалась. Бен неуклюже попятился на узкий выступ рифа над поверхностью моря, перевернулся и проделал последний дюйм пути до безопасного места.

— Мне эта дрянь совсем не нравится! — сказал он вслух, выплюнув изо рта воду.

И только тут заметил, что над ним стоит мальчик. Он совсем забыл о его существовании и не потрудился объяснить, к кому относятся эти слова.

— Доставка завтрак из песка и приготовь еду на брезенте, в тени под крылом самолета. Кинь-ка мне большое полотенце.

Дэви дал ему полотенце, и Бену пришлось смириться с жизнью на сухой, горячей земле. Он почувствовал, что сделал большую глупость, взявшись за такую работу. Он был хорошим летчиком по неразведанным трассам, а вовсе не каким-нибудь авантюристом, который рад погоняться за акулами с подводным киноаппаратом. И все-таки ему повезло, что он получил хоть эту работу. Два авиаинженера американской компании Восточных воздушных линий, которые служили в Каире, организовали поставку кинофирмам подводных кадров, снятых в Красном море. Обоих инженеров перевели в Париж, и они передали свое дело Бену. Летчик в свое время помог им, когда они пришли просить консультацию насчет полетов в пустыне на маленькие самолетах. Уезжая, они оплатили услугой за услугу, сообщив о нем Телевизионной компании в Нью-Йорке; ему дали

напрокат аппаратуру, а он нанял маленький «Остер» в египетской летной школе.

Ему нужно было быстро заработать деньги, и вот появилась такая возможность. Когда компания Тексегипто свернула разведку нефти, он потерял службу. Деньги, которые он тщательно копил два года, летая над раскаленной пустыней, давали возможность жене прилично жить в Кембридже. Того немногого, что у него оставалось, хватало на содержание его самого, мальчика, француженки из Сирии, которая присматривала за ребенком, и маленькой квартиркой в Каире, где они втроем жили. Но этот полет был последним. Телевизионная компания сообщила, что у нее запаса отснятой пленки хватит очень надолго. Поэтому его работа подходила к концу, и у него больше не было причин оставаться в Египте. Он теперь уже наверняка отвезет мальчика к матери, а потом поищет работы в Канаде, — а вдруг там что-нибудь подвернется, если, конечно, выпадет удача и он сумеет скрыть свои годы!

* * *

Пока они молча ели, он перемотал пленку во французском киноаппарате, починил клапан акваланга. Откупоривая бутылку пива, он снова вспомнил о мальчике.

— У тебя есть что-нибудь попить?

— Нет, — неохотно ответил Дэви. — Воды нет...

Бен и тут не подумал о сыне. Как всегда, он прихватил с собой из Каира дюжину бутылок пива: оно было чище и безопаснее для желудка, чем вода. Но надо было взять что-нибудь и для сына.

— Придется тебе выпить пива. Открой бутылку и попробуй, но не пей слишком много.

Ему претила мысль о том, что десятилетний ребенок будет пить пиво, но делать было нечего. Дэви откупорил бутылку, быстро отпил немножко прохладной горькой жидкости, но проглотил ее с трудом. Покачав головой, он вернул бутылку отцу.

— Не хочется пить, — сказал он.

— Открой банку персиков.

Банка персиков не может утолить жажду в такую сухую полуденную жару, но выбора у них не было. Поев, Бен прилег, аккуратно прикрыв аппаратуру влажным полотенцем. Мельком удостоверившись в том, что Дэви не болен и сидит в тени, он быстро заснул.

— А кто-нибудь знает, что мы здесь? — спросил Дэви вспотевшего от сна отца, когда тот снова собирался опуститься под воду.

— Почему ты спрашиваешь?

— Не знаю. Просто так.

— Никто не знает, что мы здесь, — сказал Бен. — Мы получили от египтян разрешение лететь в Хургаду; они не знают, что мы залетели так далеко. И не должны знать. Ты это запомни.

— А нас могут найти?

Бен подумал, что мальчик боится, не изобличат ли их в чем-нибудь недозволенном. Ребятишки всегда боятся, что их поймают с поличным.

— Нет, пограничники нас не найдут. С самолета они вряд ли заметят нашу машину. А по суше никто сюда попасть не может, даже на «виллисе». — Он показал на море. — И оттуда никто не придет, там рифы...

— Неужели никто-никто о нас не знает? — тревожно спросил мальчик.

— Я же говорю, что нет! — с раздражением ответил отец. Но он вдруг понял, хотя и поздно, что Дэви беспокоит не возможность поимки, он просто боится остаться один. — Ты не бойся, — проговорил Бен грубовато. — Ничего с тобой не случится.

— Поднимается ветер, — сказал Дэви, как всегда, тихо и слишком серьезно.

— Знаю. Я пробуду под водой всего полчаса. Потом поднимусь, заряджу новую пленку и опущусь еще минут на десять. Найди, чем бы тебе покуда заняться. Напрасно ты не взял с собой удочки.

«Надо было мне ему об этом напомнить», — подумал Бен, погружаясь в воду вместе с приманкой из конины. Приманку он положил на хорошо освещенную коралловую ветку, а камеру установил на выступе. Потом он крепко привязал телефонным проводом мясо к кораллу, чтобы акулам труднее было его отодрать.

Покончив с этим, Бен отступил в небольшую выемку, которая находилась всего в десяти футах от приманки, чтобы обезопасить себя со спины. Он знал, что ждать акул придется недолго.

В серебристом пространстве, там, где кораллы переходили в песок, их было уже пятеро. Он был прав. Акулы пришли сразу же, учуяв запах крови. Бен замер, а когда выдыхал воздух, то прижимал клапан к кораллу за своей спиной, чтобы пузырьки воздуха лопались и не спугнули акул.

— Подходите! Поближе! — тихонько подзадоривал он рыб.

Но им и не требовалось приглашения.

Они кинулись прямо на кусок конины. Впереди шла знакомая пятнистая «кошка», а за ней две или три акулы той же породы, но поменьше. Они не плыли и даже не двигали плавниками; они неслись вперед, как серые струящиеся ракеты. Подойдя к мясу, акулы слегка свернули в сторону, на ходу отрывая куски.

Он заснял на пленку все: приближение акул к цели; какую-то деревянную манеру разевать пасть, словно у них болели зубы; жадный, пакостный укус — самое отвратительное зрелище, какое он видел в жизни.

— Ах, вы, гады! — сказал он, не разжимая губ.

Как и всякий подводник, он их ненавидел и очень боялся, но не мог ими не любоваться.

Они пришли снова, хотя ролик его пленки был уже почти весь отснят. Значит, ему придется подняться на сушу, перезарядить камеру и вернуться поскорее назад. Бен взглянул на камеру и убедился, что пленка кончилась. Подняв глаза, он увидел, что враждебно настроенная акула-кошка плывет прямо на него.

— Пошла! Пошла! Пошла! — заорал Бен в трубку.

«Кошка» на ходу слегка повернулась на бок, и Бен понял, что сейчас она бросится в атаку. Только в это мгновение он заметил, что у него руки и грудь измазаны кровью от лошадиного мяса. Бен проклял свою глупость. Но ни времени, ни смысла упрекать себя уже не было, и он стал отбиваться от акулы киноаппаратом.

У «кошки» был выигрыш во времени, и камера едва по ней скользнула. Боковые резцы с размаху схватили правую руку Бена, чуть было не задели грудь и прошли сквозь другую его руку, как бритва. От страха и боли он стал размахивать руками; кровь его в несколько мгновений замутила воду, но он уже ничего не видел и только чувствовал, что акула сейчас нападет снова. Отбиваясь ногами. Бен пятился назад, ощущая, как его резануло по ногам; судорожные движения запутали его в ветвистых зарослях; он держал трубку правой рукой, боясь ее выронить. И в тот миг, когда он увидел, что на него кинулась одна из акул помельче, он ударил ее ногами и перекувырнулся назад.

Бен ударился спиной о надводный край рифа, кое-как выкатился из воды и, весь в крови, мешком свалился на песок.

Когда Бен пришел в себя, он сразу вспомнил все, что случилось, хотя и не понимал, долго ли был без сознания и что произошло потом, — все теперь, казалось, было уже не в его власти.

— Дэви! — закричал он.

Откуда-то сверху послышался приглушенный голос сына, но в глазах Бена стояла мгла — он знал, что еще не прошел шок. Но вот он увидел ребенка, его полное ужаса, склоненное к нему лицо и понял, что был без сознания всего несколько мгновений. Двигаться он почти не мог.

— Что мне делать? — кричал Дэви. — Видишь, что с тобой случилось!

Бен закрыл глаза, чтобы собраться с мыслями. Он знал, что не сможет больше вести самолет; руки горели, как в огне, и были тяжелы, как свинец, ноги не двигались, а голова была, как в тумане.

— Дэви, — еле-еле выговорил Бен с закрытыми глазами. — Что у меня с ногами?

— У тебя руки... — услышал он невнятный голос Дэви, — руки все изрезаны, просто ужас!

— Знаю, — зло сказал Бен, не разжимая зубов. — А что у меня с ногами?

— Все в крови, изрезаны тоже...

— Сильно?

— Да, но не так, как руки. Что мне делать?

Тогда Бен поглядел на руки и увидел, что правая почти оторвана совсем; он видел мускулы, сухожилия, крови почти не было. Левая была похожа на кусок жеваного мяса и сильно кровоточила; он согнул ее, подтянул кисть к плечу, чтобы остановить кровь, и застонал от боли.

Он знал, что дела его очень плохи.

Но тут же подумал, что надо что-то сделать: если его не станет, мальчик останется один, а об этом страшно было даже думать. Это было еще хуже, чем его собственное состояние. Мальчика вовремя не найдут в этой выжженной насухо стране, если найдут его вообще.

— Дэви, — сказал он настойчиво, с трудом собирая неповоротливые мысли, — послушай... Возьми мою рубашку, разорви и перевяжи мне правую руку. Слышишь?

— Да.

— Крепко обвяжи мне левую руку над ранами, чтобы остановить кровь. Потом как-нибудь привяжи кисть к плечу. Так крепко, как сможешь. Понял? Перевяжи мне обе руки.

— Понял.

— Перевяжи очень крепко. Сначала правую руку, но закрой рану. Понял? Ты понял...

Бен не слышал ответа, потому что снова потерял сознание; на этот раз беспамятство продолжалось дольше, и он пришел в себя, когда мальчик возился с его левой рукой; серьезное, напряженное, бледное личико сына было искажено ужасом, но он с мужеством отчаяния старался выполнить свою задачу.

— Это ты, Дэви? — сказал Бен, слыша сам, как неразборчиво произносит слова. — Послушай, мальчик, — продолжал он с усилием. — Я тебе должен сказать все сразу, на случай, если опять потеряю сознание. Перебинтуй мне руки, чтобы я не терял слишком много крови. Приведи в порядок ноги и вытащи меня из акваланга. Он меня душит.

— Я старался тебя вытащить, — сказал Дэви упавшим голосом. — Не могу, не знаю, как.

— Тебе надо меня вытащить, ясно? — прикрикнул Бен по обычной своей манере, но тут же понял, что единственная надежда спастись и мальчику и ему — это заставить Дэви самостоятельно думать, уверенно делать то, что он должен сделать. Надо как-то внушить это мальчику.

— Я тебе скажу, сынок, а ты постарайся понять. Слышишь? — Бен едва слышал себя сам и на секунду даже забыл о боли. — Тебе, бедняга, придется все делать самому, так уж получилось. Не расстраивайся, если я на тебя закричу. Тут уж не до обид. На это не надо обращать внимания, понял?

— Да, — Дэви перевязывал левую руку и не слушал его.

— Молодчина! — Бену хотелось приободрить ребенка, но ему это не очень удалось. Он еще не знал, как подойти к мальчику, но понимал, что это необходимо. Десятилетнему ребенку предстояло выполнить дело нечеловеческой трудности. Если он хочет выжить. Но все должно идти по порядку...

— Достань у меня из-за пояса нож, — сказал Бен, — и перережь все ремешки акваланга. — Сам он не успел пустить в ход нож. — Пользуйся тонкой пилкой, так будет быстрее. Не порежься.

— Хорошо, — сказал Дэви, вставая. Он поглядел на свои вымазанные в крови руки и позеленел. — Если сможешь хоть немножко поднять голову, я стащу один из ремней, я его расстегну.

— Ладно. Постараюсь.

Бен приподнял голову и сам удивился, как трудно ему даже пошевелиться. Попытка двинуть шейю снова довела его до обморока; на этот раз он провалился в черную бездну мучительной боли, которая,

казалось, никогда не кончится. Он медленно пришел в себя и почувствовал какое-то облегчение.

— Это ты, Дэви?.. — спросил он откуда-то издалека.

— Я снял с тебя акваланг, — услышал он дрожащий голос мальчика. — Но у тебя по ногам все еще течет кровь.

— Не обращай внимания на ноги, — сказал Бен, открывая глаза. Он приподнялся, чтобы посмотреть, в каком он виде, но побоялся снова потерять сознание. Он знал, что не сможет сесть, а тем более встать на ноги, и теперь, когда мальчик перевязал ему руки, верхняя половина туловища у него тоже была скована. Худшее было еще впереди, и ему надо было все обдумать.

* * *

Единственной надеждой спасти мальчика был самолет, и Дэви должен будет его вести. Не было ни другой надежды, ни другого выхода. Но прежде надо было обо всем как следует поразмыслить. Мальчика нельзя пугать. Если Дэви сказать, что ему придется вести самолет, он придет в ужас. Надо хорошенько подумать, как об этом сказать мальчику, как внушить ему эту мысль, убедить ее выполнить, пусть даже безотчетно. Надо было ошупью найти дорогу к объятому страхом, незрелому сознанию ребенка. Он пристально посмотрел на сына и вспомнил, что уже давно как следует в него не вглядывался.

«Он, кажется, парень развитой», — подумал Бен, удивляясь странному ходу своих мыслей. Этот мальчик с серьезным личиком был чем-то похож на него самого: за детскими чертами скрывался, может быть, жесткий и даже необузданный характер. Но бледное, чуть широкое лицо выглядело сейчас несчастным, а когда Дэви заметил пристальный взгляд отца, он отвернулся и заплакал.

— Ничего, малыш, — произнес Бен с трудом. — Теперь уже ничего!

— Ты умрешь? — спросил Дэви.

— Разве я уж так плох? — спросил Бен, не подумав.

— Да, — ответил Дэви сквозь слезы.

Бен понял, что сделал ошибку и что ему нельзя говорить с мальчиком, не обдумывая каждого своего слова.

— Я шучу, — сказал он. — Не придавай значения тому, что из меня здорово течет кровь. Твой старик бывал в таких переделках уже не раз и не два. Ты что, не помнишь, как я попал тогда в больницу в Саскатуне...

Дэви кивнул.

— Помню, но тогда ты был в больнице...

— Конечно, конечно. Верно. — Он упорно думал о своем, стараясь снова не потерять сознания. — Знаешь, что мы с тобой сделаем? Возьми большое полотенце и расстели его возле меня, а я на него перекачусь, и мы кое-как доберемся до самолета. Идет?

— Я не смогу тебя втащить в машину, — сказал мальчик; в его голосе звучало уныние.

— Ах! — сказал Бен, стараясь говорить как можно мягче, хотя это было для него пыткой. — Никогда не знаешь, на что ты способен, пока не попробуешь. Тебе, наверно, пить хочется, а воды-то и нет, а?

— Нет, я не хочу пить...

Дэви пошел за полотенцем, а Бен сказал ему все тем же тоном:

— В следующий раз мы захватим дюжину кока-кола. И лед тоже.

Дэви расстелил возле него полотенце; Бен дернулся на бок, ему показалось, что у него разорвались на части руки, и грудь, и ноги, но ему удалось лечь на полотенце спиной, упершись пятками в песок, и сознания он не потерял.

— Теперь тащи меня к самолету, — едва слышно проговорил Бен. — Ты тяни, а я буду отталкиваться пятками. На толчки не обращай внимания, главное — поскорее добраться!

— Как же ты сможешь вести самолет? — спросил его сверху Дэви.

Бен закрыл глаза: он хотел представить себе, что переживает сейчас сын. «Мальчик не должен знать, что машину придется вести ему, — думал он, — такая мысль перепугает его насмерть».

— Этот маленький «Остер» летает сам, — сказал он. — Стоит только положить его на курс, а это нетрудно.

— Но ты же не можешь двинуть рукой. Да и глаз совсем не открываешь.

— А ты об этом не думай. Я могу летать вслепую, а управлять коленями. Давай двигаться. Ну, тащи.

Он поглядел на небо и заметил, что становится поздно и поднимается ветер; это поможет самолету взлететь, если, конечно, они сумеют вырулить против ветра. Но ветер будет встречный до самого Каира, а горючего в обрез. Он надеялся, надеялся всей душой, что не задует хамсин, слепящий песчаный ветер пустыни. Ему следовало быть предусмотрительнее — запасть долговременным прогнозом погоды. Вот что получается, когда становишься воздушным извозчиком. Либо ты слишком осторожен, либо действуешь без оглядки. На этот раз — что случилось с ним не часто — он

был неосторожен с начала и до самого конца.

* * *

Долго взбирались они по склону; Дэви тащил, а Бен отталкивался пятками, мгновенно теряя сознание и медленно приходя в себя. Два раза он срывался вниз, но наконец они добрались до самолета; ему даже удалось сесть, прислонившись к хвостовой части машины, и оглядеться. Но сидеть было чистым адом, а обмороки все учащались. Все его тело, казалось теперь, раздирали на дыбе.

— Как дела? — спросил он мальчика. Тот задыхался, изнемогая от напряжения. — Ты, видно, совсем измучился.

— Нет! — крикнул Дэви с яростью. — Я не устал.

Тон его удивил Бена: он никогда еще не слышал в голосе мальчика ни протеста, ни, тем более, ярости. Оказывается, лицо его сына могло скрывать эти чувства. Неужели можно годами жить с сыном и не разглядеть его лица? Но сейчас он не мог позволить себе раздумывать об этом. Сейчас он был в полном сознании, но дух захватывало от приступов боли. Шок проходил. Правда, он совсем ослабел, чувствовал, как из его левой руки сочится кровь, и не мог шевельнуть ни рукой, ни ногой, ни даже пальцем (если у него еще остались пальцы). Дэви самому придется поднять самолет в воздух, вести его и посадить на землю.

— Теперь, — сказал он, с трудом ворочая пересохшим языком, — надо навалить камней у дверцы самолета. — Передохнув, он продолжал: — Если навалить их повыше, ты как-нибудь сумеешь втащить меня в кабину. Возьми камни из-под колес.

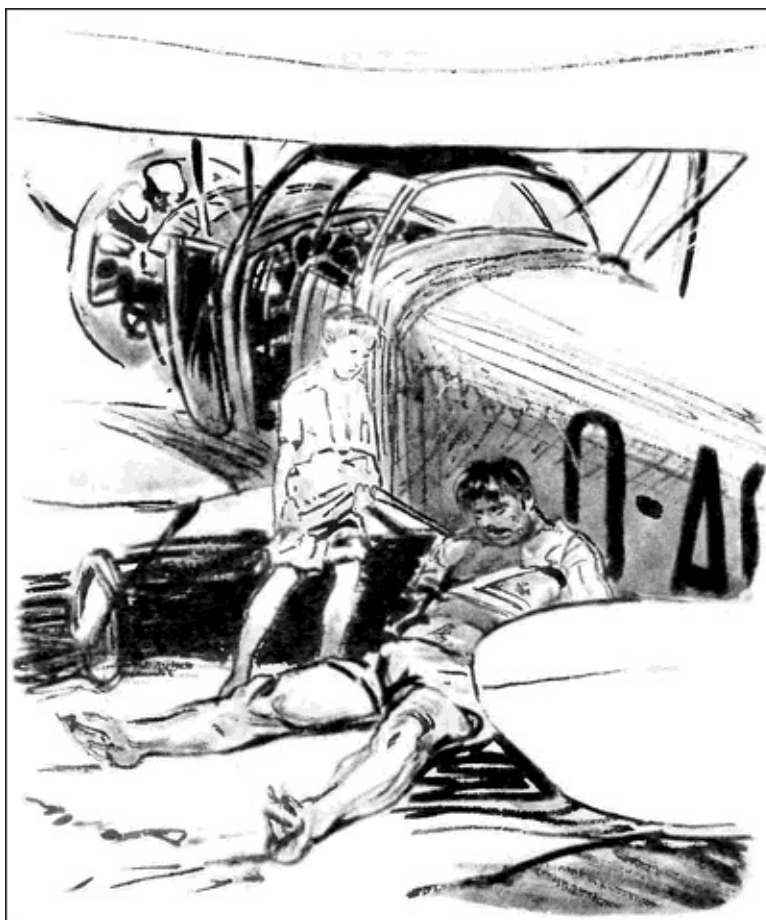
Дэви сразу взялся за дело, он стал складывать обломки кораллов у левой дверцы — со стороны сиденья пилота.

— Не у этой дверцы, — осторожно сказал Бен. — У другой. Если я полезу с этой стороны, мне помешает рулевое управление.

Мальчик кинул на него подозрительный взгляд и тут же с ожесточением снова принялся за работу. Когда он пробовал поднимать слишком тяжелые глыбы, Бен говорил ему, чтобы он не напрягался.

— В жизни можно сделать все что угодно, Дэви, — произнес он слабым голосом, — если не надорвешься. Не надрывайся...

Он не помнил, чтобы раньше давал сыну такие советы.

— Да, но ведь скоро стемнеет, — сказал Дэви, когда кончил работу.

— Стемнеет? — открыл глаза Бен. Было непонятно, то ли он задремал, то ли опять потерял сознание. — Это не сумерки. Это дует хамсин.

— Мы не можем лететь, — сказал мальчик. — Ты не сумеешь вести самолет. Лучше и не пытаться.

— Ах! — сказал Бен с той нарочитой мягкостью, от которой ему делалось еще грустнее. — Ветер сам отнесет нас домой.

Ветер мог отнести их куда угодно, только не домой, а если он задует слишком сильно, они не увидят под собой ни посадочных знаков, ни аэродромов — ничего.

— Пошли, — снова сказал он мальчику, и тот опять принялся тащить его, а Бен начал отталкиваться, пока не очутился на самодельной ступеньке из коралловой глыбы у дверцы. Теперь оставалось самое трудное, но отдыхать не было времени.

— Обвяжи мне грудь полотенцем, лезь в самолет и тащи, а я буду отталкиваться ногами.

Эх, если бы он мог двигать ногами! Видно, что-нибудь случилось у

него с позвоночником; он уже почти не сомневался, что в конце концов все-таки умрет. Важно было выжить до Каира и показать мальчику, как посадить самолет. Этого будет достаточно. На это он ставил единственную свою ставку, это был самый дальний его прицел.

И эта надежда помогла ему забраться в самолет; он вполз в машину согнувшись, полусидя, почти без сознания. Потом он попытался сказать мальчику, что надо делать, но не смог произнести ни слова. Мальчика охватил страх. Повернув к нему голову. Бен это почувствовал и сделал еще одно усилие.

— Ты не видел, я вытащил из воды киноаппарат? Или оставил его в море?

— Он внизу, у самой воды.

— Ступай принеси его. И маленькую сумку с пленкой. — Тут он вспомнил, что спрятал заснятую пленку в самолет, чтобы уберечь ее от солнца. — Не надо пленки. Возьми только аппарат.

Просьба его звучала буднично и должна была успокоить перепуганного мальчика; Бен почувствовал, как накренился самолет, когда Дэви, спрыгнув на землю, побежал за аппаратом. Он снова подождал, на этот раз уже дольше, чтобы к нему вернулось сознание. Надо было вникнуть в психологию этого бледного, молчаливого, настороженного и слишком послушного мальчика. Ах, если бы он знал его получше!..

— Застегни покрепче ремни, — сказал он. — Будешь мне помогать. Запоминай. Запоминай все, что я скажу. Запри свою дверцу...

«Снова обморок», — подумалось Бену. Он погрузился на несколько минут в приятный, легкий сон, но старался удержать последнюю нить сознания. Он цеплялся за нее: ведь это было все, что у него оставалось для спасения сына.

Бен не помнил, когда он плакал, но теперь вдруг почувствовал на глазах беспричинные слезы. Нет, он не намерен сдаваться. Ни за что!..

— Расклеился твой старик, а? — сказал Бен и даже почувствовал легкое удовольствие от этой откровенности. Дело шло на лад. Он нащупывал путь к сердцу мальчика. — Теперь слушай...

Он снова ушел далеко, далеко, а потом вернулся.

— Придется тебе взяться за дело самому, Дэви. Ничего не поделаешь. Слушай. Колеса свободны?

— Да, я убрал все камни.

Дэви сидел, сжав зубы.

— Что это нас потряхивает?

— Ветер.

О ветре он позабыл.

— Вот что надо сделать, Дэви, — сказал он медленно. — Потяни рычаг газа на дюйм, не больше. Сразу. Сейчас. Поставь всю ступню на педаль. Хорошо. Молодец! Теперь поверни черный выключатель с моей стороны. Отлично. Теперь нажми ту кнопку, а когда мотор заработает, потянешь рычаг еще немного. Стой! Когда мотор заработает, поставь ногу на левую педаль, включи мотор до отказа и развернись против ветра. Слышишь?..

— Это я могу, — сказал мальчик, и Бену показалось, что он услышал в его голосе резкую нотку нетерпения, чем-то напоминавшую его собственный голос.

— Здорово дует ветер, — добавил мальчик. — Слишком сильно, мне это не нравится.

— Когда будешь выкручивать против ветра, отдай вперед ручку. Начинай! Запускай мотор.

Он почувствовал, что Дэви перегнулся через него и включил стартер, и услышал, как чихнул мотор, — только бы он не слишком сильно передвинул ручку, пока мотор не заработает! «Сделал! Ей-богу, сделал!» — подумал Бен, когда мотор заработал. Он кивнул, и ему сразу же стало дурно от напряжения. Бен понял, что мальчик дает газ и пытается развернуть самолет. А потом его всего словно поглотил какой-то мучительный шум, — он почувствовал толчки, попробовал поднять руки, но не смог и пришел в себя от слишком сильного рева мотора.

— Сбавь газ! — закричал он как можно громче.

— Ладно! Но ветер не дает мне развернуться.

— Мы встали против ветра? Ты повернул против ветра?

— Да, но ветер нас опрокинет.

Он чувствовал, как самолет раскачивается во все стороны, попытался выглянуть, но поле его зрения было так мало, что ему приходилось целиком полагаться на мальчика.

— Освободи ручной тормоз, — сказал Бен. О нем он забыл.

— Готово! — откликнулся Дэви. — Я его отпустил.

— Ну да, отпустил! Разве я не вижу? Старый дурак... — выругал себя Бен.

Тут он вспомнил, что его не слышно из-за шума мотора и что надо кричать.

— Слушай дальше! Это совсем просто. Тяни рычаг и держи ручку посередине. Если машина будет подсакивать, ничего. Понял? Замедли ход. И держи прямо. Держи ее против ветра, не бери на себя ручки, пока я не

скажу. Действуй. Не бойся ветра...

Он слышал, как усиливается рев мотора по мере того, как Дэви давал газ, и чувствовал толчки, покачивание машины, прокладывавшей себе дорогу в песке. Потом она стала скользить, подхваченная ветром, но Бен подождал, пока толчки не стали слабее, и снова потерял сознание.

— Не смей! — услышал он издалека.

Он пришел в себя — они только что оторвались от земли. Мальчик послушно держал ручку и не дергал ее к себе; они еле-еле перевалили через дюны, и Бен понял, что от мальчика потребовалось немало мужества, чтобы от страха не рвануть ручку. Резкий порыв ветра уверенно подхватил самолет, но затем он провалился в яму, и Бену стало мучительно плохо.

— Поднимись на три тысячи футов, там будет спокойнее, — крикнул он.

Ему следовало растолковать сыну все до отлета: ведь Дэви теперь будет трудно его слышать. Еще одна глупость! Нельзя терять рассудок и непрерывно делать глупости!

— Три тысячи футов! — крикнул он. — Три.

— Куда лететь? — спросил Дэви.

— Сперва поднимись повыше. Выше! — кричал Бен, боясь, что болтанка снова напугает мальчика. По звуку мотора можно было догадаться, что он работает с перегрузкой и что нос самолета слегка задран; но ветер их поддержит, и этого хватит на несколько минут; глядя на спидометр и пытаясь на нем сосредоточиться, он снова погрузился в темноту, полную боли.

Его привело в себя чихание мотора. Было тихо, ветра больше не было, он остался где-то внизу, но Бен слышал, как тяжело дышит и вот-вот сдаст мотор.

— Что-то случилось! — кричал Дэви. — Слушай, проснись! Что случилось?

— Подними рычаг смеси.

Дэви не понял, что нужно сделать, а Бен не сумел этого ему вовремя показать. Он неуклюже повернул голову, поддел щекой и подбородком рукоятку и приподнял ее на дюйм. Он услышал, как мотор чихнул, дал выхлоп и снова заработал.

— Куда лететь? — снова спросил Дэви. — Почему ты мне не говоришь, куда лететь?!

При таком неверном ветре не могло быть прямого курса, несмотря на то, что тут наверху было относительно спокойно. Оставалось держаться берега до самого Суэца.

— Иди вдоль берега. Держись от него справа. Ты его видишь?

— Вижу. А это верный путь?

— По компасу курс должен быть около трехсот двадцати! — крикнул он; казалось, голос его был слишком слаб, чтобы Дэви мог услышать, но он услышал.

«Хороший парень! — подумал Бен. — Он все слышит».

— По компасу триста сорок! — закричал Дэви.

Компас находился наверху, и зеркало рефлектора было видно только с сиденья пилота.

— Вот и хорошо! Хорошо! Правильно! Теперь иди вдоль берега и держись его все время. Только, бога ради, ничего больше не делай, — сказал Бен; он слышал, что уже не говорит, а только неясно бормочет. — Пусть машина сама делает свое дело. Все будет в порядке, Дэви...

Итак, Дэви все-таки запомнил, что нужно выровнять самолет, держать нужные обороты мотора и скорость! Он это запомнил. Славный парень! Он долетит. Он справится! Бен видел резко очерченный профиль Дэви, его бледное лицо с темными глазами, в которых ему так трудно было что-либо прочесть. Отец снова взгляделся в это лицо. «Никто даже не позаботился сводить его к зубному врачу», — сказал себе Бен, заметив слегка торчащие вперед зубы Дэви, — тот болезненно оскалил их, надрываясь от напряжения. «Но он справится», — устало и примиренно подумал Бен.

Казалось, это был последний итог всей его жизни. Бен провалился в пропасть, за край которой он ради мальчика так долго цеплялся. И пока он валился все глубже и глубже, он успел подумать, что на этот раз ему повезет, если он выберется оттуда вообще. Он падал слишком глубоко. Да и мальчику повезет, если он вернется назад. Но, теряя почву под ногами, теряя самого себя. Бен еще успел подумать, что хамсин крепчает и надвигается мгла, а сажать самолет уже придется не ему... Теряя последний проблеск сознания, он повернул голову к дверце.

* * *

Оставшись один на высоте в три тысячи футов, Дэви решил, что уже никогда больше не сможет плакать. У него на всю жизнь высохли слезы.

Только однажды за свои десять лет он похвастался, что отец его летчик. Но он помнил все, что отец рассказывал ему об этом самолете, и догадывался о многом, чего отец не говорил.

Здесь, на высоте, было тихо и светло. Море казалось совсем зеленым, а пустыня — грязной; ветер поднял над ней пелену пыли. Впереди горизонт уже не был таким прозрачным; пыль поднималась все выше, но море он все еще не терял из виду. В картах Дэви разбирался. Это было несложно. Он знал, где лежит их карта, вытащил ее из сумки в дверце и задумался о том, что он будет делать, когда подлетит к Суэцу. Но, в общем, он знал даже и это. От Суэца вела дорога в Каир, она шла на запад через пустыню. Лететь на запад будет легче. Дорогу нетрудно разглядеть, а Суэц он узнает потому, что там кончается море и начинается канал. Там надо повернуть влево.

Он боялся отца. Правда, не сейчас. Сейчас он просто не мог на него смотреть: тот спал с открытым ртом, полуголый, весь залитый кровью. Он не хотел, чтобы отец умер; он не хотел, чтобы умерла мать, но ничего не поделаешь: это бывает. Люди всегда умирают.

Ему не нравилось, что самолет летит так высоко. От этого замирало сердце, да и самолет шел слишком медленно. Но Дэви боялся снизиться и снова попасть в ветер, когда дело дойдет до посадки. Он не знал, как ему быть. Нет, ему не хотелось снижаться в такой ветер, не хотелось, чтобы самолет опять болтало во все стороны! Самолет не будет тогда его слушаться. Он не сможет вести его по прямой и выровнять у земли.

Может быть, отец уже умер? Он оглянулся и заметил: тот дышит порывисто и редко. Слезы, которые, как думал Дэви, все уже высохли, снова наполнили его темные глаза, и он почувствовал, как они выкатываются и текут по щекам. Слизнув их языком, он стал следить за морем.

* * *

Бену казалось, что от толчков его тело пронзают ледяные стрелы, разрывают на части; с пересохшим ртом, он медленно приходил в себя. Взглянув вверх, он увидел пыль, а над нею тусклое небо.

— Дэви! Что случилось? Что ты делаешь? — закричал он сердито.

— Мы почти прилетели, — сказал Дэви. — Но ветер поднялся сейчас высоко и уже темнеет.

Бен закрыл глаза, чтобы осознать то, что произошло, но так ничего и не понял: ему казалось, что он уже приходил в себя, указывая курс мальчику, а потом снова терял сознание. Пытка качкой продолжалась и еще больше усиливала боль.

— Что ты видишь? — крикнул он.

— Аэродромы и здания Каира. Вон большой аэродром, куда приходят пассажирские самолеты.

Качка и толчки оборвали слова мальчика; казалось, потоком воздуха их поднимает вверх на сотню футов, чтобы затем швырнуть вниз в мучительном падении на добрые две сотни; крылья самолета судорожно раскачивались из стороны в сторону.

— Не теряй из виду аэродрома! — крикнул Бен сквозь приступ боли. — Следи за ним! Не спускай с него глаз! — Ему пришлось крикнуть это дважды, прежде чем мальчик расслышал; он тихонько твердил про себя: «Бога ради, Дэви, теперь ты должен слышать все, что я говорю».

— Самолет не хочет идти вниз, — сказал Дэви; глаза его расширились и, казалось, занимали теперь все лицо.

— Выключи мотор.

— Выключал, но ничего не получается. Не могу опустить ручку.

— Потяни рукоятку триммера, — сказал Бен, подняв голову кверху, где была рукоятка. Он вспомнил и о закрылках, но мальчику ни за что не удастся их сдвинуть; придется обойтись без них.

Дэви пришлось привстать, чтобы дотянуться до рукоятки на колесе и сдвинуть ее вперед. Нос самолета опустился, и машина перешла в пике.

— Выключи мотор! — крикнул Бен.

Дэви убрал газ, выключил смесь, и ветер с силой подбрасывал планирующий самолет вверх и вниз.

— Следи за аэродромом, делай над ним круг, — сказал Бен и стал собирать все силы для того последнего напряжения, которое ему предстояло.

Теперь ему надо сесть, выпрямиться и наблюдать через ветровое стекло за приближением земли. Наступала решающая минута. Поднять самолет в воздух и вести его не так трудно, посадить же на землю — вот задача!

— Там большие самолеты, — кричал Дэви. — Один, кажется, стартует...

— Берегись, сверни в сторону! — крикнул Бен.

Это был довольно никчемный совет, но зато дюйм за дюймом Бен приподнимался; ему помогало то, что нос самолета был опущен. Привалившись к дрожащей дверце и упираясь в нее плечом и головой, он упорно карабкался вверх; он сосредоточил на этом все свои силы. Наконец голова его очутилась так высоко, что он смог упереться ею в доску управления. Насколько мог, он поднял голову и увидел, как приближается земля.

— Молодец! — закричал он сыну.

Бен дрожал и обливался потом, он чувствовал, что от всего его тела осталась в живых одна голова. Рук и ног больше не было.

— Левей! — кричал он. — Дай вперед ручку! Нагни ее влево! Гни больше влево! Гни еще! Хорошо! Все в порядке, Дэви. Ты справишься. Влево! Жми ручку вниз...

— Я врежусь в самолет.

Бену был виден большой самолет. До самолета было не больше пятисот футов, и они шли прямо на него. Уже почти стемнело. Пыль висела над землей, словно желтое море, но большой четырехмоторный самолет оставлял за собой полосу чистого воздуха, — значит, моторы запущены на полную мощность. Если он стартовал, а не проверял моторы, все будет в порядке. Нельзя садиться за летной дорожкой: там грунт слишком неровный.

Бен закрыл глаза.

— Стартует...

Бен с усилием открыл глаза и кинул взгляд поверх носа машины, качавшейся вверх и вниз; до большого «ДК-4» оставалось всего двести футов, он прямо преграждал им путь, но шел с такой скоростью, что они должны были разминуться. Да, они разминутся. Бен чувствовал, что Дэви в ужасе стал тянуть ручку на себя.

— Нельзя! — крикнул он. — Гни ее вниз...

Нос самолета задрался, и они потеряли скорость. Если потерять скорость на такой высоте, да еще при этом ветре, их разнесет в щепки.

— Ветер! — кричал мальчик; его маленькое личико застыло и превратилось в трагическую маску; Бен знал, что приближается последний дюйм и все в руках у мальчика...

— Молодец! — крикнул он.

Оставалась минута до посадки.

— Шесть дюймов! — кричал он Дэви; язык его словно распух от напряжения и боли, а из глаз текли горячие слезы. — Шесть дюймов,

Дэви!.. Стой! Еще рано. Еще рано... — плакал он.

На последнем дюйме, отделявшем их от земли, он все-таки потерял самообладание; им завладел страх, им завладела смерть, и он не мог больше ни говорить, ни кричать, ни плакать; он привалился к доске; в глазах его был страх за себя, страх перед этим последним головокружительным падением на землю, когда черная взлетная дорожка надвигается на тебя в облаке пыли. Он силился крикнуть: «Пора! Пора! Пора!», — но страх был слишком велик; в последний, смертный миг, который снова вернул его в забытие, он ощутил, как слегка поднялся нос самолета, услышал громкий рев еще не заглохшего мотора, почувствовал, как, ударившись о землю колесами, самолет мягко подскочил в воздух, а потом настало томительное ожидание. Но вот хвост и колеса самолета коснулись земли — это был последний дюйм. Ветер закружил самолет, он забуксовал и описал на земле петлю, а потом замер, и настала тишина.

Ах, какая тишина и какой покой! Он слышал их, чувствовал всем своим существом; он вдруг понял, что выживет, — он так боялся умирать и совсем не хотел сдаваться.

* * *

В жизни не раз наступают решающие минуты и остаются решающие дюймы, а в истерзанном теле летчика нашлись решающие все дело кости и кровеносные сосуды, о которых люди и не подозревали. Когда кажется, что все уже кончено, они берут свое. Египетские врачи с удивлением обнаружили, что у Бена их неисчерпаемый запас, а способность восстанавливать разорванные ткани, казалось, была дана летчику самой природой.

Все это потребовало времени, но что значило время для жизни, висевшей на волоске?.. Бен все равно ничего не сознавал, кроме приливов и отливов боли и редких просветов сознания.

— Все дело в адреналине, — раскатисто хохотал кудрявый врач-египтянин, — а вы его вырабатываете, как атомную энергию!

Казалось, все было хорошо, но Бен все-таки потерял левую руку. («Странно, — думал он, — я бы мог поклясться, что больше досталось правой руке».) Пришлось справиться и с параличом, который курчавый исцелитель упорно называл «небольшим нервным шоком». Потрясение превратило Бена в неподвижный и очень хрупкий обломок — поправка не могла идти быстро. Но все-таки дело шло на лад. Все шло на лад, кроме его

левой руки, которая отправилась в мусоросжигалку, но и это было бы ничего, если бы вслед за ней не отправилась туда же и его профессия летчика.

Но, помимо всего, был еще мальчик.

— Он жив и здоров, — сказал врач. — Не получил даже шока. — Кудрявый египтянин отпускал веселые шутки на прекрасном английском языке. — Он куда подвижней вас.

Значит, и с парнем все было в порядке. Даже самолет уцелел. Все обстояло как нельзя лучше, но решала дело встреча с мальчиком: тут либо все начнется, либо снова кончится. И, может быть, навсегда.

Когда привели Дэви, Бен увидел, что это был тот же самый ребенок, с тем же самым лицом, которое он так недавно впервые разглядел. Но дело было совсем не в том, что разглядел Бен: важно было узнать, сумел ли мальчик что-нибудь увидеть в своем отце.

— Ну, как, Дэви? — робко сказал он сыну. — Здорово было, а?

Дэви кивнул. Бен знал: мальчуган вовсе не думает, что было здорово, но придет время, и он поймет. Когда-нибудь мальчик поймет, как было здорово. К этому стоило приложить руки.

— Расклеился твой старик, правда? — спросил он.

Дэви кивнул. Лицо его было по-прежнему серьезным.

Бен улыбнулся. Да что уж греха таить: старик расклеился и в самом деле. Им обоим нужно время. Ему, Бену, теперь понадобится вся жизнь, вся жизнь, которую подарил ему мальчик. Но, глядя в эти темные глаза, на слегка выдающиеся вперед зубы, на это лицо, такое необычное для американца, Бен решил, что игра стоит свеч. Этому стоит отдать время. Он

уж доберется до самого сердца мальчишки! Рано или поздно, но он до него доберется. Последний дюйм, который разделяет всех и вся, нелегко преодолеть, если не быть мастером своего дела. Но быть мастером своего дела — обязанность летчика, а ведь Бен был когда-то совсем неплохим летчиком.

Большая глубина

Джеймс Олдридж с сыном Вильямом.

Из моря вынырнул человек. Взобравшись в лодку, он снял маску. Светлые, местами заметно выгоревшие волосы, волевое лицо, хорошая, спортивная фигура. Он смотрит в сторону берега — там сотни загорающих на пляже людей, и там его семья.

Под водой в Черном море он снимал кинокамерой редких рыб. Во время подводных путешествий он встретил электрического ската — самку, довольно крупную для закрытых морей.

На берегу появляется маленький мальчик.

— Томас! Иди скорей сюда! — кричит какая-то пожилая

женщина.

Мальчик усаживается рядом со своей знакомой. Впрочем, у него тут много знакомых.

— Хочешь грушу?.. А яблоко?..

— Сенк ю, — тихо отвечает мальчуган.

Он с завистью смотрит на старшего брата, Вильяма, который барахтается с приятелями в воде. Малыш простужен, и отец запретил ему купаться.

Вильям уже вышел из воды и пытается объяснить новым друзьям, Ледику Джебава и Вахтангу Мебония, что «у него чуть-чуть насморк и ему купаться больше нельзя». На помощь приходит преподавательница английского языка 31-й московской школы Лидия Семеновна Санькова — с ней Вильям давно успел подружиться.

Человек в лодке — Джеймс Олдридж, английский писатель, автор книг «Морской орел», «Дело чести», «Охотник», «Дипломат». Томас и Вильям — его дети...

...С юношеских лет Олдридж увлекался авиацией. В 1939 году близ Лондона он впервые самостоятельно поднял в воздух учебно-тренировочный самолет. Потом пришло время второй мировой войны, когда ему пришлось летать в кабине бомбардировщика. Греция и Египет проплывали под крыльями самолетов, на которых летал военный корреспондент Олдридж. Он и сейчас частенько садится за штурвал.

Небо освоено. Олдридж спускается под воду.

В Австралии писатель видел изуродованных акулами людей, слышал рассказы о подводных хищниках.

Увлечись подводной охотой, Олдридж проверял достоверность рассказов об акулах и снимал этих хищников кинокамерой.

...Египет. Невыносимая жара. Маленький «Ситроен» пробирается среди песков пустыни. За рулем Джеймс Олдридж. Дина, жена его, уроженка Египта, и та с трудом переносит такую жару. Изредка посматривает в окошко шестилетний сынишка Вильям. Маленький Томас остался в Каире.

— Ехать в Акулю бухту — безумие, — говорили знакомые в Каире. — Сотни миль до ближайшей деревушки.

— Никаких дорог нет. — разводили руками геологи, в домиках которых супруги Олдридж останавливались

переночевать.

Олдридж, однако, поехал. Где-то в стороне остался Суэц. «Ситроен» тащился, взбираясь на песчаные дюны, к белым отмелям Красного моря, в Акулью бухту, где водится много акул, — они заплывают сюда вместе с сельдью и кефалью.

Обычно «к акулам» спускаются вдвоем: один снимает, другой следит. Олдридж спускался один. Какой-то француз сконструировал стальную клетку, в которую залезал, надев акваланг. Олдридж сделал такую же клетку, но в машине она не поместилась, и ее пришлось оставить в Каире.

Заряженная кинокамера накрепко завинчена в боксе. Олдридж берет два баллона со сжатым воздухом: они позволят быть под водой больше часа. Маска надета, трубка во рту. Он исчезает под водой.

Дина и Вильям следят за пузырьками воздуха, поднимающимися на поверхность воды. Томительное ожидание...

На глубине Джеймс встретил сразу восемь акул. Опускаясь, он порезал руку о коралл и только позже догадался, что хищников привлек запах крови. Сейчас он продолжал снимать.

Акулы начали ходить вокруг него, постепенно уменьшая радиус. Он снимал, а круги сжимались. Началась атака.

Пора подниматься: кинооператору нечего здесь больше делать.

Вторая экспедиция на Красное море прошла успешно. Фильм был снят.

...Мы навестили писателя в небольшом домике возле Гагры. В саду он соорудил для ребят гаражик.

— Ты хочешь играть май машин? — спрашивает по-русски Вильям у Ледика Джебава.

— Йес, — отвечает Ледик, который учит в школе английский язык.

Поглядывая на ребят, Олдридж улыбается. Потом, словно вспомнив что-то, берет лопатку и расчищает въезд в «гараж». Олдридж идет к веранде. На столе крутится диск электропатефона, на диске укреплены лопасти. Это от мух, изобретение Олдриджа.

На коленях отца примостился Томас.

— Детям здесь хорошо, — говорит Олдридж.

— А вам? Интересно?

— Сказать интересно — мало. Очень хорошо, что к вам теперь приезжает много людей со всего мира. Дело в том, что неправду о вашей стране, которую распространяют недруги, можно было бы выдумать, не приезжая к вам. Бывает так: спорят два человека о вашей стране, не побывав в ней. Теперь пусть спорят те, кто видел ее своими глазами. Правда победит. Дина, например, вложила всю душу в свою работу о русском балете. Это была бы превосходная книга. А что вышло?

— Когда я после возвращения из первой поездки в Советский Союз говорила в Лондоне о прелести русского балета, — говорит Дина, — мне никто не верил. Книга моя — подробнейшее исследование, в котором рассказывается не только о сценическом мастерстве, но и о системе тренинга, классах, режиме и даже туфлях... Но книгу никто не издал, — продолжает она с комическим вздохом. — Ни в Англии, ни во Франции, ни в Америке. Предложили переделать, а я отказалась...

— А потом сами же стояли сутками за билетами, когда в Лондон приезжал советский балет, перекупали их по неслыханным ценам, — замечает Олдридж.

Естественно, что читателей интересует, над чем работает сейчас писатель. Но это то, о чем он меньше всего любит говорить.

— О книгах не рассказывают; их пишут одни, а читают другие, — отвечает он.

— Все же?

— Только что окончил первую часть книги «Я бы хотел, чтобы он не умирал». Она выйдет скоро на русском языке. Это книга о Египте, об отношениях между англичанами и египтянами в период второй мировой войны. Сейчас занят работой над второй частью — о послевоенном периоде.

Мы прощаемся. Супруги Олдридж собираются в дорогу. Через окно видны две головы, склонившиеся над картой. Светлый блондин и смуглая, черноволосая египтянка рассматривают по карте маршрут Гагра — Тбилиси — Ереван...

А. Новиков

Гагра, август 1957 года.

Супруги Олдридж намечают маршрут путешествия.